Мессерер Суламифь

30.09.98

19

Класс в лондонской Школе Королевского балета

Миф о Суламифи

Прима-балерина протанцевала жизнь длиною в 90 лет

КОРОЛЕВСКИЙ балет Великобритании никогда не будет страдать нехваткой свежих талантов. Он энергично сам себя воспроизводит. Здесь больше беременных танцовщиц, чем не беременных. По крайней мере, мне это почудилось, как только я ступил за тяжелые двери «Royal Ballet School», Школы Королевского балета на улице Талгарт в западном Лондоне. Вниз-вверх по лестницам, туда-сюда по коридорам здесь порхали этакими сильфидами в трико молодые мужчины и женщины. И что касается последних, то буквально каждая третья порхала с округлым, отчетливо обрисованным животиком. Даже в репетиционной, этом облицованном зеркалами зале, где мутные окна уставились на лондонские крыши, и там у станка уже разминалась балерина, при которой я бы поставил на круглосуточное дежурство акушера.

Мою спутницу это нисколько не смутило. Миниатюрная, стремительная в движениях, она облетела быстрым стрижом рать своих учениц. Ту шлепнет по прямой, как гладильная доска, спинке. С этой перекинется шуткой, помогая сбросить утреннюю сонливость. Не верю ушам своим: да она говорит на всех мыслимых языках! С английского переключается на итальянский, с итальянского – на японский. Не балетмейстер, а просто полиглот какой-то. «Ну, приступим, пожалуй», – кивает она пианисту. Льется Чайковский, которому вторят гулким эхом зеркала. Начинается то, что в балете именуют классом.

Чемпионка Большого по плаванию

КЛАСС Суламифи Мессерер в Школе Королевского балета. Я смотрю на Суламифь Михайловну, точно спрыгнувшую с какой-то модной витрины, в темной юбке-брюках, в изящной блузке с рукавами-крыльями то ли от Версаче, то ли от Диора, примечаю, как жадно ловят каждое ее слово, каждый жест солистки одного из лучших балетов мира. И вопросом возвращаю ее в Москву начала века, когда девочка Мита впервые прибрела по снежной тропке в училище Большого. С чего вдруг? Ведь не могла же знать, что станет звездой русского балета?

– Не могла, – смеется Суламифь. – Поступала я в балетную школу сразу после революции, в 20-м году, ее тогда только что открыли. Все верили, что будет счастливое светлое будущее, и все очень старались. Когда поступала, стояли страшнейшие холода, здание школы на Пушечной улице не отапливалось. Зуб на зуб не попадал. К тому же на зуб и положить было нечего – голод. На экзамен я пришла в валенках и в шубе. А внизу у меня было что-то вроде балетной пачки, которую всю ночь шила мне сестра Рахиль – мать Майи Плисецкой. Мне и говорят: «Ну-ка, девочка, сними шубку, мы должны посмотреть твои ножки...» Отбирали тогда очень примитивно. По ножкам – хороши ли? Потом музыкальный слух проверяли. И быстро-быстро закруглились, потому что и мы замерзли, да и вся комиссия закоченела.

Так я попала в балетное училище, причем сразу, не знаю почему, в третий класс. И вот тогда-то, в этом голоде-холоде, в нашей многодетной семье родилось у меня намерение – нужно непременно кем-то стать, а для этого что-то делать, и делать хорошо. В десятилетнем возрасте я это уже понимала. Поэтому, когда кто-то высоко поднимал ножку, я знала: мне надо поднимать выше. Кроме того, просто влюбилась в балет. У нас были такие осветительские ложи за занавесом над сценою, «кукушки» назывались. Так нас туда пускали – смотри, сколько хочешь. Я смотрела все балеты и все балеты знала наизусть. Такая уж память не знаю откуда у меня – до сих пор все помню. Потом я ездила по всему миру и ставила эти балеты – без всяких хореографических записей, без нот...

Но до этого девочке Мите пришлось вдоволь хлебнуть отпущенного ей Богом и лиха, и радости. В конце 20-х Суламифь Мессерер стала примой Большого театра – там уже блистал ее брат Асаф – и несла этот венец четверть века. Большой был тогда маленьким царством, где правили Екатерина Гельцер и Василий Тихомиров. В отличие от других русских знаменитостей они не бежали от революции за рубеж, и родина отблагодарила их славой.

Как известно, стареющие звезды своими сольными партиями так просто, от широты души не делятся. Взлету Суламифи помогли ее феноменальная память и господин Случай. Каждый раз, когда кто-то не мог танцевать, под рукой оказывалась малышка Мессерер, которая знала каждое па каждой партии. Каждый такой случай давал возможность распрямиться сжатой в ней пружине таланта. Вскоре пришли овации и водоворот поклонников у служебного входа.

С этой вершины успеха уже казалось невероятным, что в кордебалетные годы она всерьез раздумывала, а не бросить ли ей балет, не удариться ли в большой спорт. Поразительно, но факт: с 1927 по 1930 год Суламифь Мессерер была... чемпионкой СССР по плаванию кролем! О крытых бассейнах Москва тогда и не мечтала. Тренироваться зимой приходилось в «Сандунах», в утреннюю темень, чтобы поспеть на репетиции в Большой. Годами Мита делила свою душу пополам между па-де-де и кролем. И то, и другое удавалось блестяще. Ею двигала все та же страстная тяга к совершенству, которая родилась в перенаселенных комнатках в голодной Москве. Если хочешь выжить, ножку надо поднимать выше всех!

Спектакль в постановке Сталина

В 1933 ГОДУ с Суламифью происходит нечто еще более невероятное для тех лет, когда СССР уже зарывался головой в песок идеологической изоляции. Она отправилась вместе с братом Асафом на гастроли... на Запад: Париж, Берлин, Скандинавия. Каким образом им удалось вырваться?

– «Железный занавес» еще плотно тогда не задернули. Асаф дружил с Триггер – была такая в Риге замечательная танцовщица. А у нее было много связей за границей. Асафа пригласили на гастроли, и он решил взять меня с собой. Мы были совершеннейшие наивные дети, не знали, как к этому подступиться. Искусством тогда в ЦК партии или где-то там наверху ведал некто Енукидзе. Уже были, помнится, правительственные «вертушки», но достать телефон большого начальника еще трудов не составляло. Я позвонила Енукидзе и говорю: «Авель Сафронович, мы получили приглашение поехать за границу, в Париж...» Он говорит: «Ну, что ж, езжайте». – «А как же это сделать?» – «А вот я дам трубочку секретарю, он вам скажет, где получить паспорт». Ни тебе выездных комиссий, ни тебе решений ЦК! Это был 33-й год.

В Париже после нашего концерта на Елисейских полях за кулисы пришли тогдашние балетные знаменитости – Кшесинская, Преображенская и Егорова. Они были поражены: в СССР, оказывается, искусство не провалилось в тартарары, а, напротив, взмыло вверх! Действительно был расцвет, потому что ничем другим, кроме искусства, заниматься в те годы нормальному человеку было нельзя. Искусство – занятие аполитичное, поэтому многие этой дорогой и пошли. Между прочим, одним из первых – мой брат Азарий Азарин, замечательный актер второго МХАТа, великолепного и трагического театра, который закрыли из-за очередной идиотской идеи Сталина...

У Сталина были и другие идеи. О них Мессерерам, которые жили тогда в Щепкинском проезде, за спиной Большого театра, напоминал каждую ночь стук в чью-то дверь. Тогда же, в 37-м, дошел черед и до консула на острове Шпицберген Михаила Плисецкого – мужа сестры Рахили, отца Майи Плисецкой. Красивого, умного человека, которого расстреляли, не сообщив родне. Просто сгинул – и все. Уже после перестройки Мессерерам показали столбец резолюций на деле Михаила. «Почему не арестована жена Плисецкого?» – вопрошает какой-то экзекутор НКВД. Ответ: «Она на 7-м месяце беременности». Вторая запись, еще требовательнее: «Почему все же не арестована?» Ответ: «У нее грудной ребенок». В конце концов ни на ребенка, ни на что не посмотрели, забрали и Рахиль. Даже сегодня, хотя полвека с лишком минуло, живые карие глаза Суламифь Михайловны темнеют, когда она вспоминает, как пришла к ней эта страшная весть.

– Танцую я «Спящую красавицу» с братом, с Асафом. Вдруг меня вызывает дежурный и говорит: «Там у подъезда стоят Майя и Алик. Ждут вас». Алик – это ее пятилетний братик, а самой Майе тогда 11 было. Меня, конечно, затрясло. Я же знала, что многих женщин арестовывали вслед за мужьями... Выбегаю в подъезд: «Где мама?» Майя: «Сказала, что срочно едет на Шпицберген к отцу». Дети же не знали, что отец арестован. А у меня выход сейчас в «Спящей красавице». Что я танцевала, как танцевала – не знаю. Помню только, брат шептал: «Держись, держись, ничего, может быть, не случилось». «Как, – говорю, – не случилось?!» Сестра никогда не пропускала моих спектаклей. И потом, как она могла отправить детей одних? Я взяла детей к себе ночевать. Майя, конечно: «Ах, как хорошо у тебя поспать». Ей было невдомек, что стряслась беда...

Рахиль, мать будущей великой балерины, отмучилась полтора месяца в Бутырке. Затем ее посадили с уголовниками в товарный вагон и перед тем, как отправить, «забыли» на пару дней на полустанке. То, что произошло дальше, так и ложится в книгу – Суламифь ее когда-нибудь напишет.

Рахиль выглянула в зарешеченное вагонное окошко: на рельсах толкутся какие-то странные, закутанные в тряпье существа. Женщины! Две женщины работают. Рахиль быстро отрывает кусочек бумаги, берет обожженную спичку – уголовницы дали – и царапает: «Едем, кажется, в Караганду. Ребенок со мной». Имеется в виду семимесячный братишка Майи – Азарий. Складывает бумажку фронтовой весточкой, бросает в окно. Одна женщина отвернулась. А вторая подняла и кивнула: ладно, мол, передам. Как это ни поразительно, письмо действительно нашло Суламифь Михайловну и сказало ей главное: сестра в Казахстане. Решение пришло мгновенно: хлопотать, выручать!

Титул «орденоносец» придавал смелости. Сначала Мессерер задумала было пробиться на прием к самому Вышинскому. Однако знающие люди послали пониже, к некоей генеральше НКВД в прокуратуре на Дмитровке. Орден Суламифи, уже гремевшая тогда ее слава прима-балерины заставили генеральшу прислушаться. Хочет забрать у сестры ребенка? Ну что ж, товарищ орденоносец, отправляйся к черту на кулички. И дала запечатанный конверт с адресом тюрьмы: «Акмолинск, Казахстан».

Балерина отправилась в путь. За сестрой. В конце концов долгие хлопоты привели к возвращению Рахиль в Москву. Но все эти годы Майя Плисецкая была на руках у Суламифи. Она ее удочерила.

– Ведь за Майей приходили, хотели забрать ее в детский дом. А я буквально легла поперек двери и сказала: «Только через мой труп». Мне говорят: «Идите тогда сами куда надо, разговаривайте». Я побежала, меня там спрашивают: «Кто вы?» – «Я прима-балерина», – говорю. «Сколько получаете?» – «Шесть тысяч». Очень большие тогда были деньги. Короче, с трудом, но мне разрешили ее удочерить.

«Лебедь» Плисецкой

СУЛАМИФЬ Мессерер не только заменила девочке в те тяжкие годы мать. Именно она открыла перед Майей мир танца. Как же оно началось, это вхождение Майи Плисецкой в балет?

– Конечно, это я ее привела. Сразу было видно, какая она одаренная. Когда ей было еще два годика, она очень любила вальс из «Коппелии». Всегда его танцевала. Все тогда забывали о еде, о питье – только смотрели на Майю во все глаза. Я делала с ней мостики, ножки ей вытягивала, словом, готовила к большому балету. А когда ей исполнилось 7 лет и 3 месяца, привела в балетное училище, хоть там принимали только с 8-ми лет. Она была несносного характера. Часто убегала из детского сада, ее искали днем с огнем по всей Москве – такая ажиотажная была...

Суламифь Михайловна достает знаменитый фотоснимок, где она ставит Майе «Умирающего лебедя».

– Да, это я поставила ей «Лебедя». Того, что стал как бы ее сценическим автографом. А почему поставила? Как известно, после всяких райкомов, крайкомов пошла мода давать концерты. Иногда в день концертов по восемь давали. Иногда просто на грузовиках танцевали. Нужно было придумать для Маечки что-то подходящее, камерное. А у нее уже тогда были изумительно красивые руки. И я решила поставить ей «Умирающего лебедя», номер, который когда-то танцевала Павлова.

Будь моя воля, я писал бы это имя не Суламифь, а Суламиф – без мягкого знака. Вся династия Мессереров – это миф, легенда артистической Москвы. Слава коснулась своим крылом не только Майи, Асафа, самой Суламифи. Борис Мессерер, сын Асафа, известнейший художник театра и кино. Балетную связь поколений продолжает Михаил Мессерер, сын Суламифи, некогда солист Большого, а теперь хорошо известный на Западе постановщик и балетмейстер.

Но слава – это всегда магнит для слухов. Мало о ком так сплетничала Москва, как о Мессерерах. За кого опять вышла Суламифь? Какой-такой новый роман у Майи? Если перепрыгнуть через десятилетия, в конец 70-х, то рой слухов кружился тогда вокруг конфликта в Большом театре, мятежа против диктатуры главного балетмейстера Юрия Григоровича. А главными мятежниками были вроде бы Мессереры. Так это или не так?

– Нет, не совсем так, – качает головой Суламифь Михайловна. *– Асаф вообще был тихий человек. Помнится, он только однажды выступил вразрез с Григоровичем. Вот Майя – да... Хотя Майя танцевала все балеты Григоровича, но отношения у них были кошмарные.*

Побег от диктатуры Григоровича

– ГРИГОРОВИЧ, скажу я вам, это на редкость сложная фигура. Помню, я работала в Турции, ставила там от Министерства культуры целый год балеты. Потом турки захотели поставить «Легенду о любви» и попросили, чтобы приехал Григорович с художником Вирсаладзе. Я их встречала на аэродроме. Григорович выходит в этакой высокой шапке, чтобы казаться выше ростом. «Деньги есть?» – спрашивает. «Есть деньги», – говорю. Короче, все, что у меня было тогда, все ему отдала. Вот какой фокус был...

Несправедливости в стенах Большого, диктатура Григоровича стали последней каплей. В 1980 году вся Москва зашепталась: «Слышали?! А Суламифь-то Мессерер в Японии сбежала! Попросила там политического убежища!» Это пришлось как обухом по голове тем, кто хорошо знал, что с 1944 года Суламифь Михайловна была вроде бы истовым членом КПСС. Значит ли это, что она к тому времени разочаровалась в коммунистической идеологии или вообще никогда в нее не верила?

– Скажу так: в 20-х годах, сразу после революции, народ был полон надежд. Но потом началось страшное: аресты, колхозы. И постепенно ко мне, как к миллионам других, пришло прозрение.

Каждый раз, когда едешь за границу, пишешь идиотские анкеты: чем твоя прабабушка занималась. Как-то меня, скажем, вызывают в ЦК: «Что у вас случилось в 1951 году на фестивале в Берлине?» А что случилось-то?! Был такой знаменитый дирижер Файер. Он женился на молоденькой девочке Лии. У него плохо было со зрением, поэтому ему разрешили в Берлин с женой поехать. И вот мы с этой Лией решили на такси прокатиться. Я о чем-то при ней таксиста спросила, о чем уже не помню. И вдруг сейчас, через сто лет, мне в ЦК говорят: «А вот вы ехали с Лией Файер и на весьма предосудительную тему беседовали с таксистом по-немецки! Не так ли?» Боже, думаю, значит, это Лия настучала...

А как Министерство культуры обирало артистов, отнимая у них 90% гонораров, как помыкало нами, выбрасывая, бывало, в корзину приглашения западных импресарио... Они у всех в памяти. И вот тогда, в Японии, я подумала: такого случая больше не представится. Сын со мной. Две жизни не проживешь. К тому же под конец моего срока в Токио я попала в больницу. Приходит из советского посольства вроде бы врач. Я ему: «Не могу ехать. Дайте хоть несколько дней, чтобы прийти в себя». – «Ничего, в самолете отойдете».

Тогда я решила: имя есть, сын танцует прекрасно, кусок хлеба мы всегда себе найдем. Никакого политического убежища мы не просили. Мы с сыном просто хотели уехать от бед. Американцы тогда сказали: «Пожалуйста». Дали письмо в Толстовский фонд. Дали «грин кард», чтобы можно было работать. А уже потом, через много лет, когда пришлось получать американский паспорт, мне сказали: «Э, нет, вам не было предоставлено политическое убежище». Вот только тогда пришлось его попросить...

С тех пор жизнь Суламифи Михайловны, а значит, и ее служение балету, проходит целиком по западную сторону от российских границ. Сначала ее принял в свои объятия знаменитый «American Ballet Theatre» в Нью-Йорке. Тогда Барышников был там танцовщиком и ходил в класс к Мессерер вместе с еще одним именитым русским – Годуновым. Заглядывали и поклонялись педагогическому дару Суламифи Рудольф Нуреев и Наталья Макарова. Позднее хлынул поток приглашений от балетных школ и театров. Настал черед педагогических гастролей и во многих других странах – Франции, Швеции, Бразилии, Италии, Колумбии, Японии...

Сейчас Суламифь Михайловна уже давно живет с сыном Михаилом в Лондоне, в уютном доме рядом с балетной школой Ковент-Гардена. Российских имен здесь на гастрольных афишах, кажется, больше, чем западных. Кто только сюда не наведывается! Включая самую, пожалуй, знаменитую представительницу династии Мессереров – Майю Плисецкую. Говорят, отношения Суламифи Мессерер с приемной дочерью сложные. Чем это объяснить?

– Такой характер у нее, такой характер... – Вздыхает моя собеседница. *– Думаю, все дело в ее нелегком детстве: арест отца, матери. Я ее оправдываю, она такая резкая всегда была.*

Тренировка жизнью, балетом и плаванием

НАШ разговор перескакивает на менее нервную тему – о состоянии мирового балета. Баланс балетных держав изменился, считает Суламифь Михайловна. Что ни говори, а основное развитие балета происходит сейчас не в России, а на Западе. Причин много. Исчезла, во-первых, пресловутая русская тайна. Когда-то хотелось знать, что происходит в этой самой России, которая так недоступна. Сейчас вместе с утечкой русских мозгов началась, так сказать, и утечка золотых ног. Лучшие танцовщики вырвались, как из внезапно открывшейся клетки, на Запад и устроились там, частенько кое-как, лишь бы зацепиться.

Как и в экономике, считает Суламифь Михайловна, происходит также процесс глобализации – но хореографической. Во всем мире сейчас более-менее один и тот же репертуар классических балетов. Причем репертуар скудный. Три балета Чайковского: «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Щелкунчик». Два Прокофьева: «Ромео и Джульетта», «Золушка». А хороших новых балетов ее опытный глаз не примечает ни в России, ни на именитых западных сценах.

...Класс в лондонской Школе Королевского балета идет уже минут сорок. Суламифь предлагает балеринам все более сложные па, пианист убыстряет ритм. В зале становится душновато. Изящная фигурка в широченной блузе вскакивает кошкой на подоконник и дергает за рычажок, открывающий фрамугу. Это Дарси Басел, звезда британского балета.

Звучит последняя нота. Класс расходится. Но темноволосая девушка в коричневом трико просит Суламифь Михайловну позаниматься с ней отдельно. Ее портретами тоже пестрят лондонские афиши. Вивиан Дюранте – прима из Италии, которую пригласили на этот сезон в труппу Королевского балета. Класс Мессерер – это класс знаменитостей. Как бы высоко ни взлетала прима-балерина, как бы ни качала ее на руках мировая критика, она не упустит шанса провести часок-другой в репетиционном зале вместе с любимым педагогом из России. «Балетные классы Суламифи Мессерер, где преподается классический русский стиль, – самые популярные и наиболее посещаемые в Лондоне, – писала влиятельная британская газета «Обсервер». – Нужно побывать на ее классе в Школе Королевского балета, чтобы понять, почему ее считают таким великим педагогом».

Я смотрю на Суламифь Михайловну, которая только что порхала по залу с легкостью своих учениц, и отгоняю от себя одну мысль. Нет, это же нелепо! Не может быть, чтобы эта стремительная, сильная женщина с живыми глазами, у которой и ноги, и голова прекрасно работают, – чтобы она только что отпраздновала свое 90-летие?! Между тем это так. Суламифь Мессерер протанцевала почти целый век. Свое поразительное долголетие она объясняет жизнью, состоящей из одной сплошной тренировки. Тренировки балетом, тренировки плаванием. Как-то после броска кролем она призналась в бассейне двум любопытным англичанкам, что ей 90. Те чуть не утонули.

Суламифь Мессерер не жалуется на прожитую жизнь. Да, были беды, хуже некуда, но и радостями Господь не обделил. И самое большое счастье – это ее сын Миша. «Очень добрый, очень талантливый. Голова у него хорошая. Это большая радость».

И очень ей повезло, считает Суламифь, что занялась она в жизни балетом.

– Я очень люблю это искусство, и для меня невыразимое счастье прожить жизнь внутри него.

Владимир СИМОНОВ,
собкор РИА «Новости», Лондон,
специально для «ОГ»
Фото автора и из архива
С.М. МЕССЕРЕР

Общая газета

Главный редактор номера: Анатолий КОСТЮКОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054.
© **Общая газета.** Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна. Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА.
Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН.
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ.
Отдел рекламы:
Тел.: 915-75-23, 915-51-80. Т/ф: 915-26-06
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Евгения СОЛОУХИНА. Тел.: 915-70-40

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты».
Технический директор Валерий МАКАРОВ.

PR С этим знаком публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов

Отдел распространения: Людмила ЛИР. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **270668 экз.** (региональный – 190000 экз.).
Цена свободная.
Розничное распространение в Московском Метрополитене – агентство «МЕТРОПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене – ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.

Номер подписан в печать 23. 09. 98 г.
Заказ 2729.

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** ogtech @corbina.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet:** www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com. **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редактораt: Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Анна ПОЛИТКОВСКАЯ, Юрий СОЛОМОНОВ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Игорь ШЕВЕЛЕВ, Егор ЯКОВЛЕВ. **Дирекция выпуска:** Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Литературный редактор: Ирина ДЕМЕНТЬЕВА. **Руководители направлений:** Сергей ВАРШАВЧИК (СМИ), Дмитрий ГОРБАНЕВ (информация), Наталья ГРИГОРЬЕВА (город), Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Оксана ПОЛОНСКАЯ (спорт), Елена СКВОРЦОВА (право), Софья СТАРЦЕВА (письма). **Обозреватели:** Наталья АЛЯКРИНСКАЯ, Олег ВЛАДЫКИН, Максим ГЛИКИН, Елена ДИКУН, Геннадий ЖАВОРОНКОВ, Юрий РОСТ, Лев СИГАЛ, Дмитрий СОКОЛОВ, Марина ТОКАРЕВА.
Представители за рубежом: Николай АЛЕКСАНДРОВ, Федор РЮРИКОВ (Прага), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Эдуард ГОВОРУШКО (Рига), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Борис ПАНКИН (Стокгольм), Вадим РЕЧКАЛОВ (Минск), Аркадий РОММ (Одесса), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Алексей ХАЗОВ (Рим), Вера ЦЕРЕТЕЛИ (Тбилиси), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Дмитрий ШАЛИН. Директор по развитию Елена РЫМКО.

146